

ЗАНЯТНОЕ ЗВЕРЬЁ

Иногда самые странные создания дают нам возможность пережить самый интересный охотничий опыт.

Среди самых ранних детских воспоминаний моего отца были игуаны, подстреленные на деревьях в Панаме в начале 1920-х годов. Люди потом съели их; игуана, как выяснилось, ничуть не хуже аллигатора или лягушачьих лапок.

Из всей занятой «мегафауны», на которую я охотился всю свою жизнь, я никогда не ходил на игуан. Аллигаторы – это да. Лягушки, конечно. А однажды я охотился на гремучую змею в своём гараже с клюшкой для гольфа. Однако, невзирая на мои походы за оленями, лосями, баранами, буйволами, львами и т. д., некоторые из моих охот на странных созданий

оставили более глубокий след в моей памяти. Точно так же, как и у моего покинувшего этот мир отца, – всю жизнь он вспоминал, как он стоял там, в тропический день, в своих коротких штанишках, наблюдая, как игуаны падали с веток.

Существует масса возможностей поохотиться на «экзотов». Зверинец занятых особей стал просто-таки огромным, и Флорида – первый тому пример. Вообще-то Флорида в значительной степени расценивается как худшее место на земле из-за обилия агрессивных тварей всех сортов и мастей. Возьмите хотя бы некоторых из животных покрупнее,

Охотники добыли эту 14-футовую анаконду в Колумбии, в 1921 г. А сегодня питоны и другие крупные удавы стали обычным делом во Флориде

что водятся там сейчас. И вот вам нутрии, капибары и различные обезьяны; очковые кайманы из Латинской Америки, что могут достигать до 8 футов в длину (2,4 м); анаконды, боа-констрикторы и бирманские питоны, вымахивающие до 26 футов (почти 8 м) в длину (рекорд Флориды, пока что, – самка питона размером в 17 футов и 8 дюймов, с 87 яйцами); четырёхфутовые аргентинские чёрно-белые ящерицы тегу; восьмифутовые нильские вараны; и шестифутовые зелёные игуаны. В островном городке Бока Гранде популяция чёрных колючих игуан из поголовья в 2000 особей возросла до 12000 всего лишь за несколько лет. И это не единственный пример.

Большинство экспертов сходятся в том мнении, что крупные удавы останутся обитать во Флориде и, возможно, со временем распространятся и по всему югу. В штате начали выдавать лицензии для охоты на питонов в тщетной надежде снизить их количество, оцениваемое в настоящее время в 25000 особей, которые пожирают дичь, соответствующую по размерам опоссуму, еноту и рыси. Они также не пренебрегают аллигаторами, оленями и даже, возможно, пантерами Флориды, которым угрожает вымирание, поскольку известно, что питоны убивают и пожирают леопардов в естественных условиях своего обитания. И в завершение – вероятные человеческие жертвы также не являются чем-то из области фантастики.

Игуаны и вараны также считаются законной дичью для охоты во многих районах Флориды. Обычное оружие – пневматические ружья, предпочтительная точка прицеливания – голова, подходящий рецепт приготовления – бланшировать, а затем обжарить с острым красным перцем чили сорта «анчо» и «гуаджилло» и чесноком.

И хотя я никогда не охотился на игуан, но, возможно, едать мне её однажды приходилось. Несколько лет назад, на полуострове Юкатан, я зашёл в крытую пальмовыми ветками гостиницу, где женщина готовила что-то в чугунном котле. Она предложила мне тушёного мяса на свежей лепёшке – тортилье, и это было просто вкусно. Я поинтересовался, что это было за мясо, и она ответила: «Вэнедо». Ну, я и подумал, что это значит «вэнисон», то есть оленина. Но, похоже, что мясо игуаны именуется по-разному, включая «вэнедо», а также «пульпо» («осьминог»), и ещё – «галлина де пало» («древесный цыплёнок»). Другими словами, «таинственное мясо». Как бы то ни было, вкус у него был отменный, без всякого преувеличения.

Есть кое-какие занятные животные, охотиться на которых я никогда и не был способен.

В ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ
ЛЕГЕНДАРНОГО БРЕНДА MUSTO
ОБЪЕДИНЯЮТСЯ ВЕКОВЫЕ ТРАДИЦИИ
АНГЛИЙСКОГО СТИЛЯ И ДОСТИЖЕНИЯ
В ОБЛАСТИ РАЗРАБОТОК СОВРЕМЕННЫХ
МАТЕРИАЛОВ.

MUSTO

Магазины FOXLAND:
ССК «Лисья Нора»: www.foxlodge.ru
ТВЦ «Спорт-Хит», Сколковское ш., 31
ТРЦ «Европарк», Рублевское ш., 62
Интернет-магазин: www.mustofox.ru

Это – приматы, из родственных чувств; одичавшие домашние кошки, несмотря на тот факт, что они, возможно, самые жестокие хищники для мелкой дичи и птиц; или любые представители рода прыгунчиков, о которых нам поёт Рэнди Ньюман в своей песне: «А вот кенгуру я трогать не хочу». Но вот ещё ишаки...

Начиная с XIX века и до сего дня ослы, используемые изыскателями в пустыне Мохаве, отпускались на волю после того, как нужда в них пропадала, и они, соответственно, дичали. Многие годы они служили источником свежего мяса для шахтёров. В 1950-х годах город Буллхэд Сити в Аризоне ежегодно организовывал праздник с бесплатным барбекю из ослятины, чтобы отметить этот аспект истории региона, привлекая иногда до восьми тысяч и более участников. Закон об охране диких и вольных лошадей и ослов предоставил большим и агрессивным диким животным абсурдно высокую степень защиты, и часто за счёт местной крупной дичи, как баранов и оленей, положив конец праздникам такого рода в начале 1970-х годов. Так что я у себя никогда не охотился на диких ослов. Но такой же

сценарий с шахтёрами и ослами разыгрывался и в Австралии.

Четверть века назад, когда я отправился на Северную Территорию в Австралии, то посетил там одну обширную, но захудалую овчарню. Её молодой измотанный владелец предупредил меня, что если я не перебую, по меньшей мере, сотню ослов, которые были чистой напастью для его владений, прорываясь через их ограду и загаживая резервуары для его скота, то он просто выгонит меня куда подальше. Конечно же, результат мой был весьма далёк от сотни, да даже и от двадцати, хотя я стрелял их вволю. И в этот вечер владельцу фермы не терпелось узнать, что же такое, блин,стряслось с «янки», но он просто отказался разговаривать непосредственно со мной из чистого презрения.

И тут мы перейдём к воронам – не таким уж экзотичным созданиям, к тому же, возможно, и не вполне относящимся к разряду дичи. Те, кто порицает охоту на ворон, говорят, что там нет никакого лимита на отстрел, что охотники не относятся уважительно к этой добыче, что вороны несъедобны – то есть все основные «утки». В действительности вороны считаются мигрирующими птицами, подлежащими соответствующим охотничьим ограничениям, включая лимиты на отстрел в некоторых штатах. Авторы книг о воронах, делающие заявления о несъедобности этих птиц, в этих же самых книгах, ничтоже сумняшеся, описывают длительную историю использования их в пищу как местным населением, так и европейцами, пирующими ими, по меньшей мере, со времён Средневековья. Описываются также и банкеты, которые организовывались в 1920-х годах в США, где главным блюдом были

всё те же вороны. И, наконец, возрождение в наши дни традиционных «вороньих» фестивалей в Литве, сопровождаемых в панда и специальным пивом под названием «Воронёнок». И только не говорите ни одному любителю охоты на ворон, что ему недостаёт должного глубокого уважения к этим пернатым.

Лучшая моя охота на ворон состоялась в роще деревьев ореха пекан в Джорджии с проводником, который применял засаду, чучела и искусное приманивающее карканье; вороны появлялись парами и тройками над макушками деревьев и снижались, рассекая воздух и каркая в ответ. Это был насыщенный день с толковой охотой, без превращения её в бойню. Замаринованные соусом для мяса от Дейла, грудки птиц на гриле были, право же, не хуже, скажем, «пернатой печени», известной охотникам на уток.

В дополнение к ослам и воронам, мой перечень затейливых созданий включает различных одичавших козлов и баранов, которых я добывал на тихоокеанских островах от Австралии до Гавайев и у побережья Калифорнии. А ещё, хотя я никогда сам не предавался такому занятию, один из моих друзей, уже покинувший бранный мир, с полвека назад попробовал влёт пострелять летучих мышей во Французской Экваториальной Африке. Летучие мыши вылетали из пещеры в земле на закате солнца, и он признался, что извёл на них целую коробку патронов с дробью, но добыл всего лишь одну мышь. Причём вовсе не ту, в которую он целился. Его следопыты тут же поджарили её и съели.

Однажды, когда я охотился на холмах в центральном Техасе, землевладелец поинтересовался, не хочу ли я добыть эму. Это было

как раз тогда, когда огромный пугать моды на эму лопнул, и эти птички-переростки уже не пользовались особой любовью своих бывших поклонников. В моём представлении они были чем-то вроде индюшек, только мультяшных пропорций, из духовки для праздничного ужина в День Благодарения, так что я согласился. И тогда один из ковбоев – «ранчеро», находившийся в комнате вместе со мной, подал мне знак, чиркнув себя пальцем по горлу наперерез. Позже, с глазу на глаз, он объяснил мне, что мясо эму, возможно, самое гадкое на планете, причём до такой степени, что и аборигены их родины – Австралии предпочтут съесть ящериц, чем эму. Мне так и не удалось убедиться в том, был он прав или нет, но на эму я не охотился, и, без всяких сомнений, спас себя от непомерных расходов по чеку из бакалеи на всякую всячину для фаршировки этой добычи.

Смысл этих занятых животных для нас, как я предполагаю, заключается в том, что они представляют собой что-то типа машины времени, возвращающей нас к тем временам, когда мы впервые взяли в руки духовой пистолет или незатейливый лук. То есть в те дни, когда воробьи да суслики были нашей излюбленной дичью и доставляли нам самые захватывающие ощущения. Для того чтобы оказаться на охоте, нам не нужны были бескрайние поля или высокие горы, – достаточно было просто открыть входную дверь. И стремление охотиться на необычных созданий доказывает, что можно забрать мальчика (или девочку) со двора, но не двор – из них. Этот живчик никогда не исторгнется полностью из нашей души. И вот сейчас я прикидываю, – как бы это поохотиться на игуан.